

Железнодорожный Король-Питон, великий полководец наги, Сархид.

Пока я не мог в это поверить, мой учитель вовремя напомнил мне об этом.

Хотя боевой дух нашей стороны оставался прежним, по глазам своих солдат я понял, что в них поселилось глубокое отчаяние, которое, однако, переросло в готовность идти до конца. Они знали, что наги никогда не берут пленных, а значит, у них не оставалось иного выбора. Только в бою можно было высвободить наш гнев, только в бою можно было смыть наш позор. Пусть вражеская кровь и смерть проложат путь наверх, пробуждая наши надежды и будущее. Мы не могли отступить, потому что отступать было некуда. Враги стремительно неслись на нас, и нам оставалось лишь поднять длинные копы и острием доказать свою волю.

— Всем воинам приготовиться! — закричал я. — Вражеский строй впереди! Построить фронтальный копеечный строй, держать ряды, наступать шагом!

— А-у! — ответили мне боевые кличи воинов. Мне не нужно было тревожиться за соплеменников в тылу, ведь до тех пор, пока мы живы, никто не посмеет причинить им вреда.

Таково было правило, совместно установленное семью цивилизованными империями после зарождения первобытной цивилизации. И даже теперь, когда их осталось всего пять, никто не смел нарушать этот закон. Ибо в нем крылось условие самого развития: государство без принципов недостойно развиваться. Если бы кто-то посягнул на установленные правила, союзники разорвали бы с ним договоры, а торговцы перекрыли бы все торговые пути. Ибо подобные зверские поступки заслуживают лишь всеобщего презрения.

Когда мы прошли уже половину пути, наш главнокомандующий, он же мой учитель, крикнул нам:

— Остановить продвижение! Опереться на деревья, сомкнуться в круговой оборонительный строй!

Я в недоумении посмотрел на учителя. Мне казалось, что у нас нет дороги назад и лишь отчаянная битва способна принести надежду. Пока я размышлял о том, атаковать или отступить, учитель рявкнул на меня:

— Выполняй приказ!

— Есть, оборона! — услышав приказание, я мгновенно отбросил все сомнения и перешел в боевой режим.

— Ху-ха! — мы прижались спинами к стволам деревьев, образовав круговой защитный строй. Такая опора позволяла нам эффективнее сдерживать вражеский натиск.

И вот в этой самой лесной чаще разгорелась ожесточенная сеча. Поскольку нашим оружием были длинные копья, а у противника — широкие мечи, поначалу мы имели небольшое преимущество: пока наши бойцы еще сохраняли свежие силы, у врага уже начали появляться потери. Нам почти показалось, что победа близка.

И тут я увидел то, чего никак не ожидал. Полководец наги Сархид взревел из глубины их боевых порядков. Поняв, что их тактика не приносит должного результата, он решительно вступил в бой. Сжав в руке трезубец, он бросился на наших воинов. От этого среди наших солдат сразу начались потери, и чаша весов стала медленно склоняться в пользу врага.

Улучив момент между атаками противника, я бросил взгляд в сторону учителя. Лоб его покрылся градом пота, но руки по-прежнему судорожно сжимали кулаки, словно он чего-то ждал.

Я же, с головы до ног омытый вражеской кровью, чувствовал собственную значимость и защищал свой народ. Пока главнокомандующий не отдал следующий приказ, я обязан был исполнять его распоряжения до конца. Само слово «дисциплина» было первым уроком, который усваивал каждый дракон с самого детства и до взросления.

В этот самый миг Сархид ударом трезубца отбросил преграждавшего ему путь воина Расы Драконов и устремился прямо на меня. Я выставил копье вперед, пытаясь остановить его натиск. Однако суровая реальность оказалась жестока: древко переломилось от удара, а трезубец Сархида обрушился прямо на меня сверху. В ту секунду я подумал, что такова моя судьба, и погибнуть за честь своего народа — смерть без сожалений.

Но едва моя славная гибель уже казалась неизбежной, как яркий луч света внезапно ударил в хвост Сархиду. Раздался его полный боли рев, трезубец отело в сторону, и он со всего маху вонзился в ствол дерева за моей спиной. Из-за чрезмерной силы оружие намертво застряло в трещине коры.

Воспользовавшись этим мгновением, шансом на миллион, я схватил обломок своего копья и вонзил его прямо в пасть чудовища. Увидев острое, прошившее его затылок насквозь, я понял: великий защитник наги, Сархид, пал.

Однако кризис для нашего народа еще не миновал. У врага оставалось около сорока бойцов, в то время как на ногах у нас держалось едва ли больше двадцати воинов. К тому же из-за недавней мясорубки наши солдаты выбились из сил, а противник все еще сохранял бодрость.

Возможно, гибель полководца ошеломила их: они отступили на несколько шагов и уставились на нас полными ярости взглядами, так что новая схватка могла вспыхнуть в любую секунду. И только тогда я разглядел, что за белое свечение упало на хвост Сархида — это была сияющая, кристально чистая стрела. А когда я пришел в себя, тысячи стрел уже накрыли воинов наги, поглощая их ряды.

Глядя на врагов, которых стрелы буквально превратили в живые подушечки для иголок, я

покрылся холодным потом: ведь защита от подобных дальних атак была нашей слабейшей стороной. Охваченный паникой, я уже собирался отдать приказ солдатам готовиться к обороне, как из глубины леса появилась гуманоидная фигура. Гуманоидная — потому что у незнакомки были непривычно длинные, заостренные уши, а в руках она держала серебристый лук.

Она грациозной походкой направилась к нам. К моему изумлению, миновав меня, она подошла к моим сородичам и произнесла на нашем языке:

— Болс, давно не виделись.

Я увидел, как из толпы вышел мой учитель:

— Рэтина, ты все так же прекрасна. Кажется, время не властно над твоим лицом.

— Болс, ты по-прежнему совершенно не умеешь говорить комплименты. Похоже, всю свою мудрость ты тратишь на то, чтобы развивать племя, но судя по всему, живешь не слишком сладко, верно? — спокойно произнесла королева эльфов.

Хотя я еще не до конца понимал происходящее, они явно не выглядели врагами. Мои натянутые до предела в долгой битве нервы наконец немного расслабились.

А учитель, не меняя выражения лица, продолжил:

— Похоже, от твоего взора ничего не утаить, прекрасная королева эльфов. Ты права, совсем недавно моему народу довелось пройти через горнило войны, и теперь мы переселяемся в земли геев в Южных Бесплодных Горах, надеясь обрести там процветание. Не подскажешь ли чего-нибудь дельного, прекрасная королева?

— Я не слишком хорошо знакома с южными землями, сам знаешь, мы всегда жили уединенно в лесах, — Рэтина на мгновение задумалась, а затем добавила: — Но, по слухам, южный мир вовсе не так прекрасен, как тебе кажется. Там царит безмолвие, и обитают лишь дикие звери. Пусть они бывают жестокими или дружелюбными, соваться туда нам не стоит. Впрочем, к вам они могут отнестись иначе, чем к нам: вы похожи на них внешне, и с чего им догадываться, какая огромная мудрость скрывается за вашей дикой оболочкой?

— Благодарю за добрый совет, Рэтина. Как видишь, наши воины только что прошли через битву, а народ напуган врагами. Не позволим ли ты нам передохнуть одну ночь рядом с твоим селением? Я буду премного благодарен, — произнес учитель и слегка поклонился королеве эльфов.

Подумав немного, королева ответила:

— Можете разбить лагерь в пятистах метрах от моего селения. Но без моего разрешения

приближаться к нему запрещено. К тому же наши прошлые долги и услуги теперь квиты, и отныне мы ничего друг другу не должны. Знаешь ли, Болс, в нынешнем мире каждый сам за себя, и моему народу тоже грозит война, так что эта сделка для вас весьма выгодна. Считаешь ли ты меня правой, Болс?

Учитель с горькой усмешкой ответил:

— Благодарю за милосердие, прекрасная королева эльфов, мой народ принимает твои условия.

<http://bllate.org/book/18556/1786775>